

Октябрь-72

В. ДЗЮБА

дохнуло севером,
Задумало, закружило,
Сыпнуло небо россыпью
И белой скатертью всю землю
застелило,
Да так, что все сияет
новизной.
Желанная пора что день,
то ближе.
Я в эти дни особенно живу.
А прелести зимы,
коньки и лыжи,
Не сладкий сон —
Они к наяву.

Люблю смотреть в окно
под мерный стук колес
На сердце милые осенние
картины:
На золото седеющих берез;
На пихт высоких, острые
вершины;
На лапы великанов-кедрачей;
На огниво стыдливое осин;
На грядья яркие калин,
к себе манящие;

На темень пахоты средь
скошенных равнин;
На дали, в голубом тумане
спящие
И томные от солнечных
лучей;
На полустанки и столбы,
назад бегущие...
И все во мне рождает ворох
грез
И сладкие мечты, вперед
влекущие.
Люблю мечтать под мерный
стук колес.

Г. БРОВЧУК

*В Сургуте за Саймою осень.
Сентябрь приписал мне года
Сердечным вопросом-допросом:
Не скажешь,
До снега четыре часа?
Тайга занавешена тенью
Проснеженных нордом небес.
Курю с сентябрем на прощанье.
Мой катер уходит в заснеженный
рейс.
Сентябрь приписал мне года.
В Сургуте за Саймою осень.
Читаю на лицах приезжих
вопросы:
До снега четыре часа?*

УОДИТ-БРОДИТ по таеж-
ным тропам добрая,
щедрая колдунья Осень.
За плечами ее сума огром-
ная с волшебными кистя-
ми и красками. И несколь-
ко эта ноша Осени не в тя-
гость, потому что такой то-
вар не залежится. Вот
только одна беда, да и то
не беда, а полбеда. Сидят-
посиживают в суме сыноч-
ки колдуньины — шаловли-
вые осенние дождички.
Двое их, и характером ни-
сколько друг на друга не
похожи.

Самый тихий да ласко-
вый Грибник. Без мамино-
го указания зря из сумы
не вылезет. С разрешения
ее улыбнется Солнышку,
Солнышко — ему в ответ,
и полетит он мелким теп-
лым ситечком над тайгой,
над болотами. Любо ему
умывать мхи да ягельник,
а уж про грибы и говорить
нечего. Иные с добрый
близ вымахивают после
такого-то умывания. И лю-
дям радость, и лесным зве-
рюшкам пожива: самый хо-
довой товар на зиму —
грибы. Грибы сушеные,
грибы моченые, мороженые
— чем не лакомство.

Особенно любят белки за
Грибником гоняться и ни-
сколько его не боятся. То-
лько цокают звонко и с
дерева на дерево прыгают,
как птицы порхают. Под-
ставят Грибнику нос и ла-
пы и ну умываться, чис-
титься. А Грибник знает се-
бе смеется, и все вокруг
начинает вместе с ним хо-

хотать. Голубика от ве-
селья совсем синей станет,
черника озорными темны-
ми глазами лукаво подми-
гивает, брусника от смеха
так краснеет, что кажется,
вот-вот лопнет.

Одна царица-ягода клюк-

Осенняя сказка

ва не любит этот дождичек.
Лежит с тоски зеленая и
все своего ненаглядного
дождя Ветрогона дожидает-
ся. Ох, уж этот Ветрогон!
До того проказник, что са-
ма Осень его недолюбли-
вает. Жалеет по-матерински,
вот и выпускает она ино-
гда его погулять. А зачас-
тую Ветрогон самовольно
из сумы выскакивает. Как
выскочит — пошел куроле-
ситься. Тучи посталкивает
друг с другом — и холо-
дные и горячие, Ветру при-
цепится за хвост и носит-
ся взад-вперед, как ошале-
лый. То градом на землю
падает, то снежинками по-
сыплется, то водой ледя-
ной.

Ветер на него сердится,
с досады все листочки на
деревах пооборвет, а отде-
латься от шалуна не мо-
жет. Когда уж совсем вый-
дет Ветер из себя, то так
дунет, что тучи с испугу в

разные стороны разбегают-
ся. А Ветрогон-озорник
скорей вырвет в малышки-
ну суму под защиту. Долго
еще Ветер в себя прийти
не может, трудно ему оста-
новиться. Сосны да кедрь
начнут поглядывать оби-
женно, друг другу жало-
ваться потихоньку. Потом
ворчать начинают, а Ветер
все не унимается: до того
его Ветрогон рассердит. Уж
и золотая листва с березок
вся облетит, раздумянится
от холода рябина, голой
осинке дрожать-трепетать
нечем, листики ее багря-
ные землю устлали, а Вет-
ру все нейдет.

К тому времени Осень
весь товар раздаст-раздарит.
Совсем зеленых красок у
нее не останется, разве са-
мую малость на хвое оста-
вит вперемешку с черной.
Зато рыжей да золотой не
жалеет, даже неказистым
кочкам болотным вволю
ее отпустит. Они аж раз-
дуются от важности,
свою гордую клюквицу на-
показ всем выставляют:
смотрите, раскрасавица на-
кая. Ешь — не хочу!

А Осень все последнее
раздать торопится. Сынкам
ее дождичкам теперь и во-
все из сумы не вынуть-ся.
Старуха Зима чуть пятки
Осени не отдавит — следы
топчет. Не терпится седой
скорей полновластной ко-
зийкой стать, вот и насыла-
ет она на Осень своих гон-
чих псов — Метель да Бу-
ран, чтоб скорее Осень из
леса прогнать.

Н. ЗАВОЛОТНЕВА.

ОТВЕРЖЕННАЯ

Это была молодая дворянка, угрюмая и злая. Людей она боялась и ненавидела. Учуяв чело-
века, дыбила шерсть и обнажала зубы в злоб-
ном рычании. Инстинктивно чувствуя свое бес-
силие перед ненавистным ей двуногим суще-
ством, собака, поджав хвост, убегала в чащу.

В село она приходила только ночью. Ее по-
щениачьи не окрепший голос будоражил звон-
кую тишину, и сельские собаки, видя ее незна-
казанность и превосходство, остервенело гре-
мя цепями, отвечали ей дружным неистовым лаем.

А она, словно упиваясь свободой и не-
зависимостью, заходила на чужие дворы и
спокойно, не обращая внимания на охрипше-
го от лая хозяйского пса, искала что-нибудь
съедобное. Как будто мстя за свою отвержен-
ность, таскала кур и, когда на переполох вы-
скакивали хозяева, была уже за селом и нето-
ропливо уходила к себе в рощу. В роще под
старой частолистой березой собака чувствова-
ла себя в полной безопасности.

Когда белые паутинки, трепеща и серебрясь,
наполнили рощу солнечной каруселью и чьи-
то невидимые руки покрыли встрепанные кудри
червонным золотом, собака почувствовала
странную тревогу. Неузнаваемые в трепетном
золотом свечении березы вызывали у нее не-
уверенность и страх. Так не узнает собака
свою хозяйку, нарядившуюся в новое платье.
Она уже не могла спокойно отсыпаться в сво-
ем логове.

Однажды ночью ее разбудили заунывные,
вскликивающие звуки. Навострив уши, она под-
няла голову. Звуки падали откуда-то с высоты,
как будто жаловалось само небо. Собака не
знала, что это кричат журавли, покидая родные
места, но тревога, ежеминутно преследовавшая
ее, вырвала из собачьего горла хриплый, тос-
кливый, по-волчьи протяжный вой.

Потом она уснула. В ее чуткий сон вкрады-
вались приглушенные шорохи, чье-то преры-
вистое холодное дыхание. Нависшие тучи сеяли
промозглую морось. Береза, под которой она
спала, вздрагивала, трепещала, и роняла, роняла
листья на влажную собачью спину. Беспечно
ворочаясь во сне, собака ощущала знакомый
березовый запах. Это ее успокаивало, и она
доверчиво лизала набухшую сыростью темень
горячим языком.

Невероятная растерянность овладела ею, ког-
да утром она увидела вокруг себя золотую

россыпь опавших листьев. Роща казалась ей ог-
ромным домом, откуда вынесли все вещи и
оставили лишь гулкое равнодушное эхо. Пром-
дрогшая и голодная, собака с недоумением
бегала от дерева к дереву, приглядываясь к их
непривычной угрюмой обнаженности.

И вот в неуютной насупившейся роще проле-
тели первые снежинки, и мокрые листья ста-
ли ломкими от мороза. По полю бродили во-
роны, черные, унылые, и тянули свое однооб-
разное «к-а-р», «к-а-р». Собака бежала по ко-
коватому картофельному полю, не обращая
внимания на ворон, цепляясь за шершавую
ботву, бежала в село, хотя был день.

В селе прокричал петух, залаяли собаки. Она
остановилась. Холода нос, таяли от ее взвол-
нованного дыхания крупные снежинки. Собака
втянула в себя воздух, пахнувший дымом, ог-
лянулась назад и, решившись, снова затрусила
через поле.

Во двор прокралась незамеченной, юркнула
в приоткрытую дверь сарая. Там было тепло,
пахло навозом и парным молоком. Корова
скосила на нее темный выпуклый глаз. Собака
беспокойно оглянулась, потом легла на
охапку соломы и, разомлев от тепла, прикры-
ла глаза.

— Мама, смотри, у нас песик!
Звонкий человеческий голос заставил соба-
ку вздрогнуть и ощетиниться. Она вся напряг-
лась, словно приготовившись к прыжку.

— Собачка, собачка! — маленькая рука про-
тянулась к собачьей морде.

Она отпрянула и неуверенно зарычала. В
своей жизни она смутно помнила только одно-
го человека — громада, возвышающаяся над
ней, и жесткая хватка этого чудовища.

С того момента, как, выброшенная хозяй-
ном, начала свою одичалую жизнь, она и ста-
ла врагом людей. Но сейчас, чуя ненавистный
ей человеческий запах, собака не ощутила
обычного озлобления. Какую-то беззащит-
ность почувствовала она в этом маленьком
двуногом существе. И когда рука снова протя-
нулась к ее морде, она не зарычала, лишь
чуть-чуть оскалила зубы. А рука уже гладила
ее голову, трепала уши. Это неведомая ранее
человеческая ласка наполнила ее спокойстви-
ем. Неожиданно для самой себя она лизнула
шершавым языком маленькую теплую руку.

Т. ЦАРЕНКО.

БАЛЛАДА-ПРЕЛЮДИЯ

Н. ШАМСУТДИНОВ

Мой листопад.
Рой березы, как знойные осы,—
Осени!
Видишь,
Гоняя колун у плетня,
Сколько она синевы уплела?!
Ливнями, грузной,
Окалиной тля,
Солнце вприкрыску
На две, загадаем, недели.
Жалуе» гриппом,
Но, смехом размывши перрон,
Дачники, грибники —
В тамбуры через прибой,
Рощей продеты вуканье, вздохи
бабусь,
Ты им накинешь воланчики бус.
Тучу пришпорить
(влагой каракулев бок),
Чтобы светелками дыбились
Нимбы грибов.

Стать всем фартовыми,
Ведром в руках тяжелеть,
Вот вам, фотограф,
Обыгранный солнцем сюжет,
Замер, снимает, в толпу
Объективом полез...
Что же поэт?
Видно, хандра —
Кофеваркой бренчит.
Двери храпят,
И сквозняк в занавесках
бранчльв.
Что он не в духе
И, форткой огранивши чад,
Светится кухней,

Где примус, соседи и чай?
Он к подоконнику очи стряхнул,
В липах и лавочках ищет строку,

Поядень обрюзг,
Может, выпустит ливень гроза.
В сжатые скукой
Лазурные щелки — глаза.
Словно черница,
Сера, неприветлива, но
Лист — черепица
И яркий — в два пальца —
Мазок!
Маляр и кровельщик,
Осень, осиною мерцаю,
Универсальна.
Ляжешь, успеешь —
Луч вскарабкаю с окна на висок,
Точно у кисти отстал золотой
волосок.
Выйдешь в природу — а там,
улыбаясь, манят
Росы брусники
И ржавые шляпки масляя.
* * *
Все же, в ведре, желобах
Пропотев,
Осень простора и света
Полпред.
Вот оккупация
Рыжего, синего, и
Все оккупается
Долгим прыжком белизны.
Росы, морозы...
Всегда исходила из них
Каждая осень —
Новаторство, поиск, изыск.
К черту калоши,
Когда так за сердце берешь.
Смуглый кокашник
Березовых рош!